

А.А. КАЗАНКОВ¹

Территориальность и агрессия у аборигенов Австралии

Сравнивается характер использования пространства группировками аборигенных охотников-собирателей и их взаимоотношений на почве распределения ресурсов в двух регионах Австралийского, резко различающихся по степени агрессивности среды. Это, с одной стороны, безводная Западная Пустыня с ее экстремальными климатическими условиями и, с другой, экологически гораздо более благоприятные области: полуостров Арнхемленд на северо-востоке континента и штат Виктория в его юго-восточной части. Рассматривается ситуация, которая предшествовала контакту аборигенов с европейцами (конец XIX — первая половина XX вв., примерно до 1960-х годов), после чего начался распад традиционной культуры местного населения в ходе процесса, именуемого аккультурацией. В 1930-1940-х гг. Западную Пустыню населяли около 3 тыс. аборигенов, составлявших единый культурный, лингвистический и генетический блок. В сравнении с этим этносом рассматриваются социальные отношения в племени мурнгин (Арнхемленд), численность которого в начале XX в. также составляла около 3 тыс. человек, а также у аборигенов ванинильгугва (штата Виктория). Реконструкция ситуации начала XIX в. дает оценку численности этого этноса в 280 - 420 человек. Главный вывод, к которому приходит автор, может показаться парадоксальным. Оказалось, что число межобщинных столкновений растет прямо пропорционально степени благоприятности природной среды.

Territoriality and aggression in aborigines of Australia. A comparative analysis is given for character of space utilization and resources use by groups of the aboriginal hunter-gatherers in different regions of Australia that sharply distinct in respect of the climatic and ecological conditions. These are, on the one hand, the extremely arid Western Desert, and, on the other, much more ecologically favorable areas: the Arnhemland Peninsula in the north-west of continent and the state Victoria in the south-east. The situation is examined that preceded contacts between aborigines and the Europeans (late XIX — the first half of the XX century, roughly up to the 1960ies), after which disintegration of the traditional culture began in the course of process named acculturation. In the 1930-1940ies the Western Desert was inhabited with ca. 3,000 nomadic hunter-gatherers, known in the ethnological literature as «Pitjantjara». The whole this population spoke dialects of one language and constituted cultural and genetic entity. Social behavior of this ethnos is compared with that of the tribe murngin (Arnhemland) the number of which was in the beginning of the XX century was ca. 3,000, as well as with the tribe vaniniljugva (Victoria, about only 280 — 420 persons). The main conclusion is rather paradoxical: it appeared that the number of inter-community conflicts increases proportionate to the extents of ecological quality of the environment.

1. Ситуация в Западной Пустыне

1.1. Очерк физической географии и экологических условий

Западная Пустыня (далее ЗП) — это обширное низкое плато в центре континента, граничащее с юга с пустыней Виктория, а с севера примыкающее к «озеру» Хазлетт. Восточная граница региона проходит по сухому руслу Палмер, а на западе он упирается в «озеро» Карнеги. То, что мы будем в дальнейшем именовать «озерами», — это обширные котловины, частично заполняющиеся водой только после особо обильных дождей.

¹ Глава из книги А.А.Казанкова «Агрессия в архаических обществах». Печатается с сокращениями с согласия автора.

ЗП протянулась примерно на 600 км с запада на восток и примерно на 650 км в меридиональном направлении. Площадь региона, таким образом, — примерно 390 тыс. км². ЗП — это наиболее аридная из всех областей Австралии, заселенных аборигенами. Центрами сосредоточения аборигенного населения оказываются зоны раздела равнины и средневысотных горных гряд. Равнины ЗП частично покрыты песчаными дюнами, закрепленными травянистыми сообществами с доминированием так называемого спинифекса («колючие» растения родов *Triodia* и *Pectrachne*). На каменистых участках произрастает покрыты так называемым мулговым скребом (*Acacia aneura*).

Вдоль всей ЗП протянулись, преимущественно в широтном направлении, сильно разрушенные хребты палеозойского происхождения. Среднее поднятие западно-австралийской плиты в данном регионе — около 300 м, наибольшие поднятия гряд — 1000–1200 м. Среднее поднятие гряд — 800 м.

В отличие от столь же негостеприимной пустыни Калахари — которая является гигантской депрессией, заполненной песком (900 м над уровнем океана), ЗП — это каменистая экваториальная пустыня с низкими хребтами. По всем экологическим параметрам, за исключением глубины залегания подземных водоносных слоев, ЗП — район еще более экстремальный, чем Калахари. Средние величины годовых осадков здесь колеблются от 200 до 250 мм (в Каукауельде — 300–500 мм); средние отклонения от нормы составляют около 50 %. По площадям дожди выпадают еще более неравномерно, чем в Калахари. Во время продолжительных засух отдельные группы аборигенов были вынуждены переселяться, уходя от родных мест на 300 и более км. Известны случаи гибели семейных групп от жажды или голода.

Летом здесь обычны температуры выше 35⁰ гр, зимой — ночные заморозки (имеются в виду зима и лето южного полушария). В отличие от бушменов в Калахари, которые также страдают зимой от холода, и у которых, по крайней мере, женщины и дети носят плащи-кароссы из шкур животных, аборигены Австралии не пользуются никакой одеждой (сравни работы: Gill, 1968: 127; Marshall, 1976: 68; Owens, Owens, 1985: 37).

1.2. Этнографический состав населения Западной Пустыни

Как уже упоминалось, в первой половине XX в. регион населяли около 3 тыс. аборигенов, единых генетически, лингвистически и по характеру культурных традиций. В литературе их чаще всего именуют «питьянтьяра». Более правильное название — «питьянтьятьяра», но оно относится только к обитателям некоторых горных гряд. В дальнейшем мы будем использовать термин «питьянтьяра» в отношении всех аборигенов ЗП, а термин «питьянтьятьяра» — только в применении к обитателям гряды Петерманна. Сами себя они называют еще и «питья-питья».

В районе гряд Манна и Томкинсона проживают лингвистические группы («племена») мулатьяра, мапулатьяра и виртъяпакантъя.

Следует отметить, что «племена» обитателей ЗП почти никогда не действовали как целостные социумы, но распадались на территориальные локальные группы. В местах соприкосновения последних соседние локальные группы больше общались друг с другом, чем с отдаленными группами своего же «племени». Этническое самосознание аборигенов ЗП, таким образом, иерархично, абориген может называть себя либо по имени территориальной общины, либо по имени диалектной группы первого («питья-питья», например) или второго («питьянтьятьяра») порядка. Кроме того, структурообразующим элементом социума являлись так называемые локально-десцентные группы, которые мы будем обсуждать далее.

К востоку от гряды Петерманна, жили янкунтъятьяра (часть из них позже переселилась в поселки и миссии). Два «племени», лингвистически входившие в блок ЗП и живших между янкунтъятьяра и аранда, использовали в качестве самоназвания слово лури-тъя, вероятно, потому, что их культура находилась под сильным влиянием обачаев аранда. К западу от гряды Петерманна и к северу от нее, в южной части пустыни Гибсона жили нгататьяра, сохранявшие традиционный образ жизни до конца 1960-х гг. Между озерами Амадеус и Хазлетт жили загадочные пинтуби (около 600 человек), которых изучали главным образом уже в то время, когда они ушли из пустыни (в 1960-х гг.) и поселились в миссиях. То же самое можно сказать о западных соседях пинтуби — мандилдьяра и гадудьяра.

Все перечисленное население представляет собой, как уже было сказано, очевидное генетическое, культурное и лингвистическое единство. Все диалекты языка аборигенов ЗП, условно называемого «вангкатъя», взаимно понимаемы. Данные археологии свидетельствуют о том, что ЗП была заселена аборигенами начиная с 10 тыс. до настоящего времени, причем способы адаптации к жизни в пустыне и орудия труда за весь этот период практически не менялись. В последнее время появились данные и о более раннем заселении центральной Австралии, а именно — 30 тыс. лет назад, но в это время ЗП могла еще и не быть «пустыней». Большая часть аборигенов ЗП сохраняла традиционный образ жизни до начала 30-х гг. XX в., а нгататьяра — до начала 60-х гг. Начало изменения этого образа жизни было связано с появлением скотоводческих станций и деятельностью миссионеров (Layton, 1986; Hilliard, 1968; Gould, 1969).

Важно подчеркнуть, что Австралия — это единственный континент принадлежавший до европейской колонизации исключительно охотникам-собираателям, и был, таким образом, гарантирован от доевропейского воздействия хозяйственно-культурных типов земледельческого или скотоводческого характера.

1.3. Использование населением животных ресурсов

Фауна ЗП в сравнении с фауной Калахари предоставляет аборигенам значительно меньшие возможности для добывания пищи. Большее разнообразие рептилий (точнее — варановых) не может компенсировать отсутствия в ЗП крупных копытных животных (Pianka, 1969: 498–502). Сравнительно крупных животных в ЗП всего четыре вида: красный кенгуру (*Megaleia rufa*), скальный кенгуру (*Macropus robustus*), страус эму (*Dromaius novaehollandiae*) и гигантский варан «паренти» (*Varanus giganteus*). Последний может достигать максимальной длины 2,5 м, при средней 1,6 м (Layton, 1986: 22–23). Паренти тяготеет к скальным участкам, а другой, более мелкий вид варана (так называемая ящерица «гоанна») — к песчаным дюнам. Для аборигенов Западной Пустыни гоанна — основной источник животного протеина; на нее «охотятся» не только мужчины, но также женщины и дети.

Два названных выше вида крупных кенгуру и страус эму не относятся к числу животных, специализированных к жизни в пустыне, так что их популяции в ЗП крайне малочисленны. Поэтому охота на них традиционными методами была весьма малопродуктивной (Layton, 1986: 22–23; Gould, 1981: 432). Тем не менее, мужчины питьянтъяра тратили значительную часть времени на охоту именно на этих животных. Позже, в условиях аккультурации у янкунтъятьяра наиболее популярным видом деятельности среди мужчин стала охота на красного кенгуру с винтовкой (Layton, 1986: 129–130).

Ввиду разреженности популяций кенгуру и эму в ЗП, загонная охота аборигенами почти не применялась. Орудиями охоты были деревянные копья с обожженными и заостренными концами и копьеметалки. Преобладающим способом охоты было скрадывание или подстерегание жертвы в засад. По отношению к эму применяли отравление временных водных источников (Porteus, 1931: 194; Gould, 1969: 7-10, 88-89).

1.4. Использование растительных ресурсов

Основу растительной пищевой базы составляли всего лишь восемь видов (по данным Гудда за 1960-е гг.). В общей сложности они обеспечивали более половины массы растительной пищи. Это два вида «туземного помидора» (*Solanum eremophilum* и *Solanum centrale*), дикий инжир (с величиной плода около 3-4 см.), плоды «квандонг» (4-7 см.) а также три-четыре вида семян трав (*Brachiaria sp.*, *Panicum decompositum* и *Eragrostis eriopoda*) и акаций (*A. aneura* и *A. campeana*). Семена трав и акаций перемалывали в муку, из которой пекли лепешки.

В засушливые годы перечень базовых объектов растительной пищи сокращался, например, у нгататьяра до трех видов (два соланума и семена дикого проса). Акации мулга, в сезоны дождей весьма обильные семенами, в годы засух были бесплодны (Gould, 1972: 28-29; Isaaks, 1987: 26-30). Уровень осадков в области обитания нгататьяра — около 200 мм в год, в «стране» янкунтьяра — несколько выше (среднее значение в Кертис Спрингс за 1960-1977 гг. составило 221.3 мм. — Layton, 1986: 26). Базовые источники в районе останцев Ольга, Айерс Рок и Коннор (территория янкунтьяра) также более надежны, чем у нгататьяра и питянтъяра (Layton, 1986: 18-27, 47-49, 30-35; Hilliard, 1968: 79)

1.5. Использование пространства

Приходится констатировать предельную экстремальность природных условий, в которых вынужден существовать этот этнос. Скудости источников пищи соответствовала высокая степень их номадизма, что находит отражение в таком показателе, как расстояние между базовыми лагерями локальных групп (рис. 1). В некоторых случаях обитатели района Айерс Рок, сравнительно благополучного по меркам ЗП, должны были совершать двухдневные перекочевки с ночным лагерем без воды (Layton, 1986: 22-23, 33, 76). В годы наиболее жестоких засух население гряды Петерманна совершали переселения на расстояния до 300 км, а нгататьяра пустыни Гибсона — на 400-500 км (Hilliard, 1968: 57; Gould, 1981: 427).

Несмотря на все это, аборигены ЗП имели достаточно уровень социальной интеграции. Этому способствовали, по крайней мере, две группы факторов, именно, племенные ритуалы и локальные десцентные группы.

Племенные ритуалы. Питянтъяра считали абсолютно необходимым периодически собираться, не реже чем один раз в 2-3 года, возможно большим числом соплеменников для проведения важнейших магических ритуалов. В действительности, собиралось не все племя, а только часть территориальных родов, находившихся в пределах досягаемости посланников, специально рассылаемых с приглашениями. Важно и то, что приглашались также представители соседних племен.

Главные ритуалы имели форму инсценировки событий из мифического прошлого — так называемого «времени сновидений» (*тьюкурра*). В эту эпоху мифические тотемные предки — прародители тотемных родов странствовали по земле, общаясь друг с

другом и создавая элементы современного ландшафта: холмы и скальные останцы, источники, валуны, сухие русла, рощи деревьев и т.п. Воспроизводя «в лицах» эти древние события, аборигены обеспечивали, по их мнению, нормальный круговорот вещей в природе: обильные дожди, размножение животных и растений, стабильность родственных связей и т.п. Легенды о странствиях тьюкуррпа содержали также обширную информацию обо всех важных для аборигенов источниках пищи и воды, равно как и о материалах для изготовления орудий. В критических ситуациях (например, во время длительных переходов в периоды засух) эпизоды из легенд становились порой руководством к выживанию (Layton, 1986: 3–16; Berndt, 1965: 174; Берндт, Берндт, 1981: 18–30; Meggitt, 1965: 247; Mountford, 1950; Meggitt 1962).

Учитывая, что странствия мифических предков пролегли по территориям многих локальных групп и даже нередко пересекали племенные «границы», а также и то, что для участия в ритуалах приглашали всех лиц, имевших, по представлениям аборигенов, отношение к событиям древней истории, неудивительно, что «племенные сборища» зачастую собирали представителей более чем одной диалектной подгруппы. На территории нгататьяра в благоприятные годы в одном лагере собиралось до 150 аборигенов, а в «странах» питьянтъятъяра и янкунтъятъяра — до 270 человек. Во время ритуальных сборищ совершались также длительные и довольно суровые обряды инициации молодежи (Berndt, 1965: 174; Mountford, 1965; Meggitt, 1965: 247; Gould, 1969: 55-56, 104-106, 116-119, 128; Strehlov, 1965: 128; Tindale, 1972: 224-228; Hilliard, 1968: 41–43, 50, 56–57, 59; Yengoyan, 1970: 71, 81–85; Layton, 1986: 41-45).

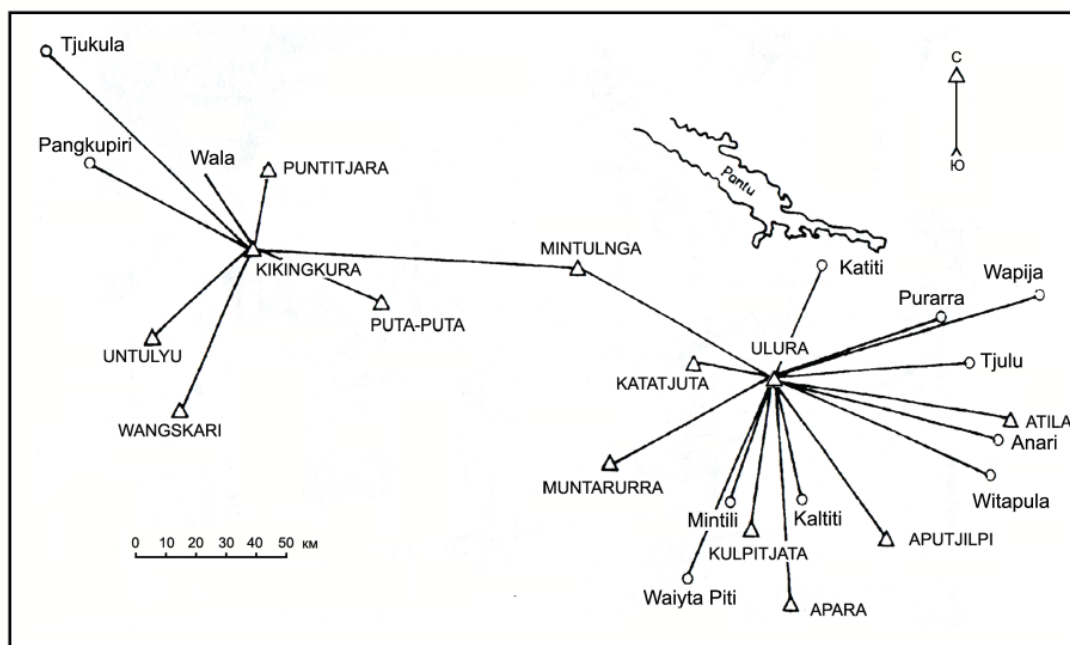

Рис. 1. Лагеря и маршруты двух племен аборигенов. Треугольники, от которых расходятся линии — их основные лагеря. Другие значки — временно посещаемые лагеря (треугольники — чаще, кружки — реже).

Структурной основой австралийских территориальных сообществ были так называемые локально-десцентные группы (ЛДГ). Это короткие (обычно — в пределах 4-х поколений) тотемические линиджи, объединявшие родственников по мужской линии. Они носили название какого-либо тотемического животного с прибавлением уже упоминавшегося термина «*тьюкуррна*». «*Малу тьюкуррна*», например, это одновременно группа тотемических предков (скальных кенгуру) и современная ЛДГ аборигенов, ведущих свое «происхождение» от этих предков. Взрослые мужчины-аборигены носили имена соответствующих предков, и считалось, что в реальной жизни они должны с максимально возможной точностью воспроизводить действия, которые когда-то совершали эти предки. Свод правил *тьюкуррна* выполнял в жизни аборигенов роль универсального морально-этического и поведенческого кодекса. ЛДГ обычно объединяли 2-3 семейные группы; максимальные их размеры зафиксированы в пределах 40-50 человек (не обязательно живущих в данный период времени в одной общине) (Tindale, 1972: 224; Layton, 1986: 44-49; Yengoyan, 1970: 70-91; Strehlow, 1965: 127-128; Берндт, Берндт, 1981: 27-29).

Описанная несколько ранее тенденция к интеграции в социальной жизни питьянтъяра проявлялась на фоне суровейшего экологического давления, вынуждавшего их порой в течение целого года и более кочевать по пустыне в составе небольших семейных групп по 10-20 человек. У нгататьяра, например, существовала такая модель сезонного распределения их социума: «Лучшая охота бывает в тех районах, покрытых кустарником мулга, где летом выпадали в течение одного-двух сезонов обильные дожди. Это условие, которое выполняется не часто, так что ожидаемое предсказать заранее невозможно. Семейные группы имеют тенденцию собираться в таких районах группами примерно по 150 человек... Когда охота становится малопродуктивной,... эта группа или переходит на соседнюю территорию, или начинает распадаться на группы связанных родством семей, которые в свою очередь распадаются дальше, если начинается засуха» (Gould, 1969: 55-56). Семейная группа нгататьяра, с которой Гулд начинал свои полевые исследования в Австралии, насчитывала 13 человек и включала двух женатых взрослых братьев.

В более увлажненных районах, там, где у скальных останцев всегда есть надежные запасы питьевой воды (например, у янкунтъятыяра вблизи Айерс Рок), семейные группы, напротив, в сезон дождей отправляются к периферийным источникам на границах племенных территорий с тем, чтобы разнообразить свое питание. Но даже в этом случае маршруты аборигенов не следуют какому-либо определенному циклу: питьянтъяра обычно направляются туда, где они видели выпадение дождя, на пустынной равнине расположение такого места можно определить с расстояния до 80 км (Layton, 1986: 18; Gould, 1977: 21-22; Gould, 1981: 430).

Соотношение между ЛДГ и территориальными общинами. В англоязычной литературе ЛДГ аборигенов иногда именуют «группой, владеющей землей» («land owning group»), но суть этого права на собственность состоит не в исключительности доступа к пищевым ресурсам, а в том, что мужчины ЛДГ ассоциированы со своей территорией в ряде аспектов духовной культуры. Они руководят организацией и проведением ритуалов, связанных со священными объектами данной территории, поддерживают эти объекты в надлежащем порядке, т.е. расчищают и укрывают источники, удаляют лишнюю растительность вокруг культовых объектов и т.п. (Берндт, Берндт, 1981: 27-29).

Мужчины ЛДГ также знакомят вновь принимаемых в территориальные общины членов (мужчин) с местными преданиями и одновременно дают новичкам представ-

ление о расположении водных и пищевых ресурсов данной территории. Незнакомый с местными мифами абориген чувствует себя неловко и сознает, что он не имеет права охотиться на данной территории (Layton, 1986: 44). Далее мы увидим, что одной из главных причин нападений аборигенов на ранних путешественников было то, что они, сами того не ведая, оскверняли своим присутствием определенные элементы местного ландшафта, священные в глазах аборигенов (они, как правило, размещаются вблизи наиболее обильных водных источников, а путешественники искали в пустыне в первую очередь именно воду).

Территориальные общины питянтъяра (впрочем, как и повсюду в аборигенной Австралии), включали в себя представителей нескольких ЛДГ. В районе Айерс Рок (Улуру), например, по данным Р. Лейтона в 1960-х гг. базировались две тотемические десцедентные группы. При этом общее число постоянных резидентов составляло в 1968 г. 114 человек. Из них 79 человек принадлежали к данному сообществу потому, что здесь жили их отцы (69%), 20 человек принадлежали к общине Улуру по линии матери (20%), 9 человек — по линии сиблинга родителей (8%) и 3 человека — по линиям праотцов и прабабок (3%) (Layton, 1986: 47). У аборигенов ЗП коллективным собственником фактически является племя (диалектное подразделение). Состав небольших хозяйственных групп у нгататъяра, например, изменялся после каждого племенного сборища. В данной работе мы приводим взятые из книги Лейтона свидетельства ранних путешественников, на основе которого можно предположительно судить о доконтактной (т.е. — до начала 1930-х гг.) численности племен. Наиболее устойчивым правилом поселения в ЗП, как и повсюду в Австралии, была патрилокальность. Цифры, приведенные по общине Улуру, соответствуют этому правилу в 69 % случаев. Рассмотрим теперь некоторые исключения. Два постоянных жителя Улуру переселились сюда от источников Минтулнга будучи еще молодыми людьми, когда они женились на местных девушках. Минтулнга — это ближайшие к Улуру источники, находящиеся на племенной территории собственно питянтъяра (питья-питья). Один из этих мужчин говорил Р.Лейтону: «Не имеет значения, что я питянтъяра: мы все янкунтъяра, моя мать была янкунтъяра» (Layton, 1986: 48).

В районе же Петерманнов несоответствие между идеальными правилами поселения и реальной практикой составляло, по данным А. Йенгояна, 50% (Yengoyan, 1970: 81-85). Эти данные были получены в результате сбора демографической информации в конце 1960-х гг. На основе их анализа А. Йенгоян пришел к выводу, что постоянные передвижения молодых мужчин питянтъяра в поисках брачных партнеров, в результате которых мужчины пресекали племенные территории, были в ЗП в доконтактной ситуации не исключением, а правилом. При этом браки частично оказывались «межэтническими», и женихам приходилось осваивать местные диалекты языка вангкатъя. То же самое сообщает А. Хайетт об аборигенах пинтуби пустыни Гибсона (Hiatt, 1962: 64, 271–275)².

² Это обстоятельство объясняет низкие значения степени родства в коллективах охотников-собираателей (близкие родичи составляют менее 10% от состава группы). На основании этих данных отвергается идея, согласно которой именно отбор родичей лежал в основе эволюции кооперативных отношений в сообществах людей. См. Hill K. R. et al. 2011. Co-residence patterns in hunter-gatherer societies show unique human social structure. *Science* 331 (6022): 1286-1289; <http://ericmjohanson.posterous.com/kin-selection-cant-explain-cooperation-in-humans>

1.6. Территориальность и агрессия у аборигенов ЗП

Рассмотренные выше особенности социальной жизни питьянтъяра дают косвенные указания на то, что уровень межобщинной конфликтности в их обществе, по крайней мере в первой половине XX в., должен был быть низким, а территориальность — гибкой. Гибкая территориальность аборигенов ЗП позволяла населению, составлявшему дем, оптимально распределять по просторам вмещавшей его территории в зависимости от конкретных возможностей доступа к воде и пище в определенных местах и в определенное время. Т. Штрелов, который провел в центральной Австралии многие годы, пишет: «В годы засухи большая часть населения пораженной ею области, возможно, четыре-пять или даже семь восьмых всего племени, бывает вынуждена переселяться к немногим непересыхающим источникам, расположенным, как правило, вблизи главных хребтов или основных скальных скоплений. ... Таким образом, выживание населения ЗП могло быть обеспечено в той мере, в какой их социальная организация обладала достаточной гибкостью, позволяющей каждой локальной группе, территория которой была затронута засухой, найти убежище на территории одной из более счастливых групп... Готовность всех членов групп, пострадавших от засухи, вернуться в родные места после временного отсутствия позволяла локальным группам, жившим в более благоприятных условиях, оказывать в данном случае гостеприимство. Это гостеприимство ни в коем случае не являлось актом благотворительности: оно было непреложным обязательством, налагаемым на хозяев незапамятной племенной традицией» (Strehlow, 1965: 124–128).

Итак, территориальность аборигенов ЗП, в силу экологических причин, была гибкой. Даже в наиболее благоприятных для ЗП экологических условиях (например, у янкунтъяра) в случаях, когда аборигены из разных локальных групп одновременно приходили к одним и тем же периферийным водным источникам, конфликтов по поводу использования местных ресурсов не возникало. В результате, периферийные водные источники, по словам самих аборигенов, оказывались одновременно «собственностью» разных локальных групп (Layton, 1986: 110–114). В еще большей степени это относилось к нгатаъяра, пинтуби и другим группам, жившим в наиболее неблагоприятной природной обстановке (там же: 30). Практика племенных и межплеменных сборов, а также межплеменные браки также указывают на гибкость системы территориальности.

Это была именно гибкая территориальность, а не ее полное отсутствие, поскольку в тех случаях, когда аборигены оказывались на территориях чужих локальных групп вне ситуаций племенных праздников, они должны были получать разрешение на использование местных ресурсов у хозяев, а также проходить «мифологический инструктаж» у членов соответствующих ЛДГ. В условиях господства традиционного образа жизни аборигены обычно путешествовали вооруженные копьями и не заходили в те места, где они не имели родственников, за исключением ситуаций, когда происходили племенные сборы (Tindale, 1972: 236; Terry, 1928: 41). Следует иметь в виду, что, когда мы ранее говорили о «собственности», то имели в виду лишь ее материальный, экономический аспект. «Собственность» членов ЛДГ на священные объекты, находившиеся на их территориях, систему взаимных прав и обязанностей членов разных ЛДГ, связанных проведением совместных ритуалов мы здесь специально не рассматриваем. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что эти два аспекта «собственности» тесно переплетены друг с другом.

Существование у аборигенов ЗП практики частых межобщинных столкновений могло бы опровергнуть тезис об их гибкой территориальности. Однако следует сразу отме-

туть, что нам не удалось найти в этнографической литературе ни одного прямого указания, а тем более описания, хотя бы единственного случая убийства аборигена аборигеном в доконтактные времена. Упоминается лишь о том, что выходец из ЗП убил в миссии Алис Спрингс человека аранда в отместку за предполагаемое колдовство (Strehlow, 1971: 264). Ясно, что этот случай связан с ситуацией аккультурации.

С другой стороны, в обществе питьянтъяра имела место институализация агрессии, которая соответствовала общеавстралийскому образцу. У аборигенов ЗП были, как и у аранда, отряды простых («вармала») и тайных («тжинакартил») мстителей. В последнем случае отряд «заметал» свои следы пучками перьев страуса эму (Gould, 1969: 143, 210-211; Terry, 1974: 25). Существовала у питьянтъяра также общеавстралийская практика ритуализованных поединков между взрослыми мужчинами с нанесением травм копьем в бедра обидчика (Gill, 1968: 158-159). В источнике 1889 г. белые путешественники указывали, что на одном из сборищ аборигенов питьянтъяра «...испытывали очевидные трудности в поддержании социального мира, и многие мужчины были покрыты шрамами» (Hilliard, 1968: 56). Есть также сообщение о ритуализованных поединках между подростками (без применения копий), которые проходили под наблюдением взрослых (Porteus, 1931: 168-169). В социальной практике питьянтъяра очевидно также использование колдовства, о чем говорят упоминавшиеся отряды тайных мстителей, но есть и прямые свидетельства совершения обрядов вредоносной магии (Gould, 1969b: 25; Terry, 1974: 25).

И, наконец, в период господства традиционного образа жизни мужчины ходили почти всегда вооруженные связками копий, о чем мы уже упоминали; лагеря же аборигены устраивали на гребнях дюн, чтобы избежать неожиданных нападений. Иногда, приближаясь к границам племенных территорий и увидев дым на горизонте, семейные группы аборигенов уходили назад, опасаясь возможной встречи с враждебными незнакомцами (Rose, 1965: 26; Tindale, 1972: 236). Вместе с тем, можно сослаться на описания, касающиеся аборигенов биндибу, которые совершенно не опасались встреч с незнакомыми людьми. Эти данные относятся к середине 60-х гг. XX в., и речь здесь идет о группе аборигенов, впервые столкнувшуюся с белыми. С другой стороны, значительная часть биндибу к этому времени уже покинула пустыню Гибсона (Moyle, 1979: 18), а косвенное влияние культуры европейцев в пустынях Австралии могло модифицировать поведение аборигенов еще до их прямых контактов с золотоискателями или охотниками на динго (Gould 1969b: 44; Terry, 1974: 37).

Ряд дополнительных косвенных указаний свидетельствуют о том, что межобщинная конфликтность в ЗП и в традиционное время была весьма низкой. Гулд и Тонкинсон, например, писали о том, что аборигены пустыни Гибсона не воинственны (Gould, 1969b: 149; Tonkinson, 1974: 18; см. также Terry, 1974: 24; Tindale, 1972: 104; Mountford, 1965: 5; Liberman, 1985; Myers, 1986). Известный авторитет в области австралийской полевой этнографии Берндт говорил о том, что «...в центральной Австралии отсутствовала постоянная межплеменная вражда» (Berndt, 1965: 200).

1.7. Нападения аборигенов ЗП на белых путешественников и фермеров

Что касается сообщений о нападениях аборигенов ЗП на ранних белых путешественников, то они довольно многочисленны и заслуживают специального анализа. Дело в том, что подобного рода случаи едва ли могут служить свидетельством в пользу тезиса об «изначальном миролюбии» охотников-собираателей.

Первым белым, проникшим в ЗП, был Уильям Госс, открывший в 1873 г. Улуру. У него не было враждебных столкновений с аборигенами по той простой причине, что он их не видел. Однажды он заметил поблизости дым их костров, так что питьянтъяра, по видимому, следили за экспедицией (Hilliard, 1968: 47–48). В 1874 г. ЗП посетила экспедиция под руководством Эрнста Джайлса. В ее состав входили также Альфред Гибсон, Уильям Титкинс и Джеймс Эндрюс (там же: 40). В районе гряды Петерманна ими были встречены не два-три аборигена «как обычно», а «толпа орущих демонов», а это показывает, что путешественники приблизились к месту племенного сбора питья-питья (и, вероятно, своим приближением осквернили какую-то местную святыню). Подойдя ближе, аборигены стали метать копья, после чего Титкинс стал стрелять из револьвера в воздух. Аборигены побросали копья и убежали.

Пройдя затем расстояние в девять миль, путешественники подверглись нападению еще большей толпы питьянтъяра. Вновь полетели копья и загрели выстрелы, теперь уже из двух револьверов, и вновь аборигены разбежались. За все остальное время путешествия аборигены встретились англичанам еще только один раз, на обратном пути. В лагерь к путешественникам пришли трое, а Джайлс потом с удивлением отметил в своих дневниках: «Они вели себя не только наиболее вежливо и наименее угрожающе, чем все встреченные нами до сих пор аборигены, но были просто трогательны в проявлении своего дружелюбия» (Giles, 1889: 7–9, 65).

В 1889 г. Титкинс снова посетил Улуру и прошел далее вдоль южного берега «озера» Амадеус. Там за ним по следам шли четыре аборигена, что, согласно местным нормам поведения, было актом недружественным. На обратном пути путешественник видел дым нескольких костров вблизи своего лагеря, но аборигены так и не показались (Layton, 1986: 54).

Встречи членов экспедиции Дж. Форреста (1874 г.) с аборигенами были частью дружескими, а частью враждебными. В одном месте две атаки аборигенов были остановлены ружейными залпами. В другом случае встреча примерно с сотней питьянтъяра началась враждебно, но окончилась дружески (Hilliard, 1968: 49–50, 52). Следует отметить, что питьянтъяра, подобно другим австралийским аборигенам, демонстрируют враждебное настроение, кусая бороды и гримасничая. При желании же они могли вести себя на редкость тактично (Gill, 1968: 123–124; Berndt, 1968: 294; Gould, 1969b: 16–18; Mountford, 1965: 5). При встречах со Спенсером и Гилленом в 1879 г. янкунтъятъяра, как уже было сказано, вели себя дружелюбно.

Начиная с 1880 г., правительство Австралии начало отправлять в ЗП партии изыскателей с целью найти пастбища, пригодные для овцеводства, и пути перегона скота на запад Австралии. Изыскатель В. Миллс во время своего путешествия не сталкивался с враждебностью аборигенов. Джон Каррузерс в 1888–1889 гг. исходил ЗП вдоль и поперек, но за все это время только один раз аборигены попытались напасть на него. Следует отметить, что отряд Каррузерса включал 13 человек, 25 верблюдов, 13 голов скота и 2 лошади, а аборигены обычно нападали большими силами лишь на немногочисленные экспедиции.

Во время путешествия С. Хюббе в 1895 г. аборигены один раз готовились атаковать его, но не решились. И, наконец, в 1900 г. один из спутников золотоискателя Кокрума был убит копьем после того, как руководитель отряда застрелил аборигена. Отметим, что при многочисленных атаках аборигенов за 26 лет ранних путешествий белых, это был первый случай убийством аборигенами чужестранца. У экспедиции Базедова в 1903 г. не было столкновений с питьянтъяра, но в 1905 г. два члена экспедиции Ф. Джор-

джа получили серьезные ранения копьями, предположительно за то, что осквернили священные объекты аборигенов. Оба раненых выжили (Hilliard, 1968: 52-57).

Таким образом, за все эти годы аборигенами ЗП были убиты двое белых (в 1889 и 1900 гг.) и четверо серьезно ранены копьями. Общее число засвидетельствованных атак, как мы видим, было значительно большим. Кроме того, золотоискатель М. Терри приводит сведения о своеобразной войне, объявленной в 1926–1928 гг. племенем варрамулла всем белым поселенцам на северо-западной окраине ЗП. В ходе столкновений были убиты один белый фермер и несколько аборигенов (Terrey, 1974: 3-13). Впрочем, само это племя включало в себя значительное число аборигенов, изгнанных из других племен за нарушения правил заключения браков, так что данные Терри характеризуют скорее противостояние аборигенов фермерской экспансии (сравни: Layton, 1986: 62-66), нежели традиционные социальные отношения питьянтьяра.

Итак, повторим выводы по поводу агрессивности питьянтьяра. В обществе аборигенов Западной Пустыни существовала институционализация агрессии, следовавшая общеавстралийскому образцу. Поведение аборигенов ЗП противоречит постулату об «изначальном миролюбии» охотников-собирателей (см., например: Fabbro, 1978; Ferguson, 1984; Dentan, 1968). Вместе с тем, как мы увидим из дальнейшего изложения, число межобщинных столкновений в обществе аборигенов ЗП было значительно меньшим, нежели в экологически благоприятных районах Австралии, несмотря на то, что культура питьянтьяра следовала единой общеавстралийской модели. Общий контекст приведенных выше косвенных данных заставляет, тем не менее, предполагать, что количество межобщинных конфликтов в ЗП в доконтактных условиях было достаточно низким.

2. Северо-восточная и юго-восточная Австралия

Территория полуострова Арнемленд относится к числу экологически высокопродуктивных районов Австралии. То же можно сказать о штате Виктория на юго-востоке континента.

2.1. Агрессия в Арнемленде и штате Виктория

Начну со сравнения двух пассажей из книг о стадияльно сходных номадических охотниках-собираателях. В первом из них Лорна Маршалл описывает бушменов Най Най: «Случаи, когда люди в ярости теряли контроль над собой, вспоминаются с благоговейным ужасом. Отравленные смертельным ядом стрелы всегда под рукой, и люди иногда убивали ими друг друга, хотя и не часто. Кунг боятся драк совершенно отчетливо и осознанно, часто говорят на эту тему и любое проявление несогласия в группе заставляет их чувствовать себя недовольно... Стремление избежать несогласия и враждебности заставляет кунг очень строго придерживаться норм поведения, которые не обсуждаются гласно... Драка с членом своей группы считается у кунг одним из самых плохих поступков» (Marshall, 1976: 288).

Теперь сравним сказанное с цитатой из того места книги одних из наиболее авторитетных этнографов Австралии — супругов Бернат, где они описывают нравы племени мурнгин: «В северо-восточном и северо-центральном Арнемленде воинственность ценится весьма высоко. Мужчина, который дает понять, что при случае без колебаний пустит в ход копья, вызывает в равной мере и страх и восхищение. Постепенно он может создать себе такую репутацию, что только очень немногие осмелятся открыто ему противоречить. Вначале он может приказать кому-нибудь убить определенного челове-

ка, затем такой случай может повториться, вкуче с сообщениями об успешном колдовстве... До тех пор, пока такая персона соблюдает родственные обязательства и религиозные установления, его редко постигает наказание. ... Когда традиция поощряет воинственность настолько, что престиж человека может быть повышен в результате убийства другого копьем в спину или спящего, всегда существует опасность распада групповой солидарности...» (Berndt, Berndt, 1968: 289). Адекватность описания Берндтов подтверждается рядом независимых источников, в том числе и автобиографией аборигена по имени Ламилами (см.: Токарев, 1956: 190–194; Lamilami, 1974: 8-10, 73-74, 87; Hiatt, 1959: 188-191; и др.).

Австралийский этнолог Дж. Блейни провел сравнение численных данных по гомициду у племени мурнгин в Арнемленде и аборигенов племени ванинильяугва штата Виктория. Насколько нам известно, подобное численное сравнение в исследованиях по охотникам-собираателям было проведено впервые. Данные по мурнгин Дж. Блейни взял из книги Д. Уорнера (Warner, 1937/1958: 158-163), а данные, касающиеся ванинильяугва, вычислил по книге воспоминаний беглого каторжника Уильяма Бакли (Blainey, 1975: 109–110) и по оценкам плотности населения охотников-собираателей в юго-восточной Австралии.

Выводы Дж. Блейни были оспорены таким известным австраловедом, как Ф. Роуз. Тем не менее, полезно будет озвучить точку зрения первого. Блейни пишет: «Европейцем, который имел возможность наиболее длительное время наблюдать вооруженные конфликты среди аборигенов южной Австралии, был Уильям Бакли. Десятилетие за десятилетием он странствовал вместе с аборигенами... Бакли был гигантом ростом в 6 футов и 6 дюймов (около двух метров. — А.К.),...ветераном военных сражений в Европе, и у него не было оснований пугаться вооруженных конфликтов, свидетелем которых он стал, странствуя вместе с аборигенами. И, тем не менее, одним из наиболее сильных впечатлений его памяти были вооруженные схватки и кровопролитие».

Едва он был принят в одну из групп аборигенов, как началась драка с соседней общиной. В этой схватке мужчине пропороли копьем бедро, а женщину убили, поразив копьем. Немного погодя соблазнение (или похищение) женщины вновь привело к схватке, в ходе которой были убиты два мальчика. Далее в ходе трехчасовой битвы между соседними общинами были убиты три женщины. Бакли был непосредственным свидетелем всех этих убийств. В другой свирепой битве мужчины и женщины были покрыты кровью и бились настолько жестоко, что сцена, по словам Бакли, была «намного более страшной», чем все те сражения с порохом и пулями, которые ему приходилось видеть в Нидерландах в 1799 г. В результате схватки были убиты две женщины из группы Бакли. Ночью члены группы Бакли отомстили своим врагам: напав на них врасплох, они забили трех человек до смерти, нескольких ранили, а остальных обратили в бегство. Раненым не давали пощады, а затем у трупов отрезали ноги и руки острыми раковинами, кусками кремня и боевыми топорами.

Поскольку группа, с которой странствовал Бакли, была небольшой, как и враждебные ей общины, этот список убитых должен был составить довольно высокий процент от общей численности местного населения. Более того, все эти нападения из засады и избиения могли случиться в один только первый год скитаний Бакли, и остались запечатленными в его памяти до самой старости как самые свежие и сильные впечатления. Но даже если все эти смерти (по меньшей мере, тринадцать) следует распределить на все тридцать лет вместо одного года они, тем не менее, свидетельствуют о весьма значительном для малочисленного населения проценте потерь.

Перечисленный выше список убийств не исчерпывает свидетельств Бакли по поводу войн у аборигенов. Однажды группа Бакли была временно ослаблена отсутствием мужчин, ушедших на охоту. Община была внезапно атакована; мальчика и девочку закололи копьями. Немного погодя был организован успешный рейд возмездия, в ходе которого нападавшие убили двух мужчин из вражеской группы.

Некоторое время спустя Бакли и его друзья расположились на берегу пресноводного озера и внезапно услышали шум схватки, доносившейся с другого берега. На следующий день аборигены и Бакли пошли туда и нашли трупы людей, убитых во сне во время внезапного нападения... Сколько женщин было убито, Бакли не сообщает, но он видел «много женщин и детей, лежащих на земле, серьезно раненых и изувеченных». Вблизи озера Модеварре трех мужчин закололи копьями и одному мальчику проломили голову... В еще одной драке, явно из-за женщин, была убита одна из них и две тяжело ранены. Позже община Бакли была снова атакована. При этом погибли его старый друг, его жена и сын. В следующем столкновении были убиты три члена вражеского племени... Согласно воспоминаниям Бакли, во всех этих многочисленных сражениях между кочующими общинами он выступал в роли вооруженного миротворца, совестливого увещателя или военного корреспондента» (Блейни, 1975: 196–108).

Воспоминания Уильяма Бакли переведены на русский язык. Сравнивая русский перевод этой книги с пересказом соответствующих эпизодов Джорджем Блейни, нетрудно убедиться, что несколько описаний гомицида Уильямом Бакли в советском издании попали в число сокращений при переводе. Полный список жертв, приводимый Блейни, составляет как минимум 50 человек за 30 лет, включая 10 женщин и 12 детей.

Блейни вычислил по источникам и карте предполагаемую численность племени ванинильяугва, к которому принадлежала община Бакли. При плотности населения в 4–6 кв. миль на человека численность ванинильяугва должна была составлять от 280 до 420 человек. Таким образом, «по самым осторожным подсчетам, — пишет Блейни, — общие потери от вооруженных столкновений в пропорции к общей численности населения составили за год 1 : 270 человек» (Blainey, 1975: 109–111). Это соотношение превышает аналогичную цифру по бушменам Най Най (по данным Р. Ли, 0, 15 человек из 250 за год) более чем в 6 раз. Возможно даже, что оценки Дж. Блейни существенно занижены; сам автор предлагает их как «консервативные», т.е. вычисленные по нижней грани вероятностных показателей. Сам Блейни писал о возможности того, что данные о гомициде следует распределять не на 30 лет, а на более короткий период времени. Кроме того, следует обратить внимание на следующую фразу Уильяма Бакли: «Я очень страдал морально, особенно от этих сцен насилия, которые повторялись чуть ли не *ежемесячно*» (Бакли, 1966: 44, курсив мой). Надежность воспоминаний У. Бакли в качестве источника данных подтверждается книгой воспоминаний миссионера Л. Трелкелда о своей жизни среди аборигенов в 1824–1859 гг. (Threlkeld, 1974).

Данные Блейни хорошо согласуются с цифрами Уорнера по агрессии у мурнгин. Численность мурнгин в начале XX в. составляла около 3 тыс. человек, а потери за 1909–1929 гг. по подсчетам Уорнера, 200 индивидов. Удельный вес потерь равняется, таким образом, один к 300 за год, (Warner, 1937/1958: 158–163). Заметим, что мурнгин — это по крайней мере три дема, т.е. аборигены в этом экологическом районе действительно могут позволить себе «роскошь» регулярных межобщинных конфликтов. Более того, похоже, что эти конфликты служили определенным регулятором численности населения, что позволяло аборигенам поддерживать экологическое равновесие при неизменном образе жизни. Возможно, это уникальная особенность «австралийской» модели разви-

тия культуры. Эта особенность культуры австралийских аборигенов, населяющих области, сравнительно благоприятные в экологическом плане, почти уникальна в ряду этнографических материалов по охотникам-собираателям XIX столетия. Но рискнем предположить, что она вряд ли уникальна как черта социальной жизни более ранних стадийальных периодов развития *Homo sapiens*.

Данные по мурнгин и ванинильяутва, имеющие числовое выражение, подтверждаются качественными данными по другим, экологически благоприятным, районам Австралии. Ссылки на основные источники приведены самим Блейни (Blainey, 1975: 110). Кроме того, данные по агрессии у племен экологически благоприятных районов Австралии были обобщены в книге В.А. Шнирельмана. Они касаются племен курнаи, вакануван, нарриньери, диери (Южная Австралия); мурнгин, юленгор, алава (Арнемленд); валараи (Новый Южный Уэльс); непоименованные группы Квинсленда, Западной и северной Австралии (Шнирельман, 1994: 75-94). Аранда и илиаура (Центральная Австралия) по уровню межобщинной агрессии занимают, судя по косвенным данным, промежуточное положение, более приближаясь к аборигенам ЗП, чем юго-восточной Австралии или Арнемленда. Данные по агрессии у пинтуби, приведенные Шнирельманом (1994: 84) по статье Майерса (Myers, 1986: 599), относятся к тому периоду, когда пинтуби уже переселились из пустыни Гибсона в постоянные поселения при миссиях или поселках белых австралийцев.

Итак, сравнивая уровень гомицида у подвижных охотников-собираателей в экстремальной природной среде с одной стороны (бушмены Калахари и аборигены ЗП), и в благоприятной среде — с другой, мы видим прямую положительную корреляцию между степенью благоприятности среды и интенсивностью межобщинных конфликтов. Указанные конфликты во всех рассмотренных обществах представляют тип внутренних конфликтов (*internal warfare*), т.е. столкновений между членами единых в этнокультурном отношении макросоциальных групп.

Кумулятивным показателем степени экстремальности среды в данном случае может служить уровень среднегодового выпадения осадков, а коррелирующим социальным показателем — плотность населения. Подчеркиваем, что указанный предварительный вывод о связи агрессии и экологии справедлив только для обществ данного уровня социально-экономического развития (подвижные охотники-собираатели с межобщинными конфликтами внутри единых по культуре социумов) и проверен только для одной разновидности экстремальных сред, а именно полупустынь.

2.2. Территориальность у аборигенов Арнемленда и штата Виктория

Мы приходим к довольно неожиданному выводу, согласно которому степень эксклюзивности использования локальных природных ресурсов в Австралии слабо зависит (если зависит вообще) от степени аридности природной среды. Так, например, у аборигенов Арнемленда и штата Виктория он не выше, чем у аранда центральной Австралии (см. Spenser, Gillen, 1899: 149-152).

Аборигены экологически благоприятных областей Австралии стремились наилучшим образом использовать флуктуации в обеспеченности отдельных территорий различными пищевыми ресурсами в определенные периоды годовых природных циклов. Поэтому состав хозяйственных групп в каждый данный момент мог быть различным: агрегации множества ЛДГ, принадлежащих к различным территориальным общинам, постоянно собирались в местах изобилия какого-либо пищевого продукта, животного или растительного происхождения. С этой целью «хозяевами» изобильной территории рассылались гонцы с

приглашениями нескольких других дружественных локальных групп. Бакли называет такие сборы «коррборри», не сообщая сколько-нибудь определенных сведений об организации ЛДГ и их связей со священными объектами ландшафта.

Такие сведения имеются в изобилии для аборигенов Арнемленда, где модели их хозяйственного цикла, несмотря на качественное различие ландшафтов, были такими же, как у ванинильяутва. Данные по межобщинному использованию экономических ресурсов в разных регионах Австралии неоднократно обобщали в сводках (см., например: Кабо, 1968: 228, 233-235, 241-242, 248-249, 255, 260; Hiatt, 1962: 279-282; Hiatt, 1968; Lourandos, 1977: 202-224; Pilling, 1968; Thomson, 1949: 17-18, 20-26; Wheeler, 1910: 74-80 и др.).

Под «качественными различиями» экологических условий юго-восточной Австралии и Арнемленда мы подразумеваем не разную степень продуктивности среды (судя по плотности населения, она была примерно одного уровня), а то, что конкретные причины, стимулировавшие агрегации аборигенов (порой на периоды до нескольких месяцев), были различными. В первом случае это мог быть ход рыбы, сезон созревания определенных кореньев; в случае относительного рассредоточения дема — зимние холода с пронизывающими ветрами. В северной Австралии различные локальные группы собирались вместе во время плодоношения определенных видов пальм или ореховых деревьев, а также в сезон дождей, когда рассредоточение кочевников становилось невозможным. Сравнивая же модели рассредоточения в экологически благоприятных районах, с одной стороны, и в аридных, с другой, следует отметить, что разделение в период засухи в таких группах как нгататъяра, пинтуби или пия-пия было вынужденным и имело целью минимизировать риск умереть от голода или жажды. В северной и юго-восточной Австралии рассредоточение социумов аборигенов имело оптимизационный характер, т.е. преследовало цель максимально разнообразить питание с минимальными энергозатратами (см. Gould, 1981: 450-454).

Помещая в кавычки слово «хозяева» территорий, мы имеем в виду, что в данном случае подразумевается в первую очередь собственность соответствующих ЛДГ на ритуальные объекты их территорий. Территориальные общины (локальные группы) аборигенов Австралии повсюду включали по несколько ЛДГ, обычно от двух до шести, причем состав ЛДГ оставался стабильным (исключая естественную смертность, в том числе в результате вооруженных столкновений), а состав локальных групп периодически менялся (Stanner, 1965: 1-26; Lourandos, 1977; Gason, 1874; Taplin, 1874). Члены какой-либо конкретной ЛДГ могли поссориться с членами другой ЛДГ, принадлежащей к этой же локальной группе и переселиться в другую общину (см., например: Бакли, 1966: 46, 52-53, 88). Постоянным фактором, влиявшим на размер и состав локальных групп, как у ванинильяутва, так и в северной Австралии, была угроза нападения представителей враждебных общин.

Таким образом, модель территориальной организации аборигенов Арнемленда и штата Виктория была не менее гибкой, чем в ЗП и позволяла представителям разных территориальных групп использовать ресурсы всей области их обитания. Собственно говоря, столкновения из-за пищевых ресурсов в Австралии не зафиксированы. В благоприятных районах вооруженных столкновений, как мы видели, было предостаточно, но непосредственным поводом к ним были конфликты не из-за пищевых ресурсов, а из-за женщин.

3. Предварительные выводы по территориальности и агрессии у аборигенов Австралии

Из сравнения моделей территориальной организации и агрессивного поведения аборигенов ЗП и экологически благоприятной части Австралии можно сделать следующие основные выводы:

- (а) число межобщинных столкновений растет прямо пропорционально степени благоприятности природной среды;
- (б) межобщинные столкновения носят характер, главным образом, внутриэтнических;
- (в) похоже, что, начиная с некоторого уровня обеспеченности водными и пищевыми ресурсами, степень их обилия перестает влиять на формы территориальной организации и использования этих ресурсов.

Заметим, что вывод (а) справедлив именно для аборигенов Австралии, но не обязательно для всех известных этнографам номадических охотников-собираателей.

Литература

- Бакли У. 1966. Австралийский робинзон. М.: Наука.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х. 1981. Мир первых австралийцев. М.: Наука.
- Кабо В.Р. 1968. Первобытная община охотников и собирателей по австралийским материалам. С. 223–265 в: Проблемы истории докапиталистических обществ отв. (ред. Л.В.Данилова). М.: Наука.
- Токарев С.А. 1956. Межплеменные соотношения. С. 149–208 в: Народы Австралии и Океании (ред. С.А. Токарев, С.П. Толстов). М.: АН СССР.
- Шнирельман В.А. 1994. У истоков войны и мира. С. 5–176 в: Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН 1.
- Berndt R.M. 1965. Law and order in aboriginal Australia. Pp. 167–206 in: *Aboriginal Man in Australia*. (Berndt R.M., Berndt C.H. eds). Sydney: Angus and Robertson.
- Berndt R.M., Berndt C.H. 1968. *The world of the first Australians*. Sydney: Ure Smith.
- Blainey G. 1975. *Triumph of the nomads: a history of ancient Australia*. Melbourne — Sydney: Macmillan Company of Australia.
- Dentan R.K. 1978. Notes on childhood in a nonviolent context: The Semai Case Malaysia. Pp. 94–143 in: *Learning non-aggression*. (Montagu A., Montague M.F.A. eds).
- Fabbro D. 1978. Peaceful Societies: an Introduction. *Journal of Peace Research* 15: 76–83.
- Ferguson R.B. 1984. Introduction: Studying war. Pp. 1–81 in: *Warfare, culture and environment* (Ferguson R.B. ed.). NY: Academic Press.
- Gason S. 1874. Dieyerie Tribe of Australian Aborigines. Adelaide.
- Gould R.A. 1969. *Yiwara: Foragers of the Australian Desert*. New York: Scribner.
- Gould R.A. 1977. Puntutjarpa rock shelter in the Australian Desert culture *The American Museum of Natural History Anthropological Papers*, New York, v 54 Pt 1.
- Gould R.A. 1981. Comparative Ecology of food-sharing in Australia and Northwest California
- Hiatt L. 1959. Social control in Central Arnhemland. *South Pacific* 10: 182–192.
- Hiatt L.R. 1962. Local organization among the Australian Aborigines. *Oceania* 32: 267–286.
- Hiatt L.R. 1968. Ownership and use of land among the Australian Aborigines. Pp. 99–102 in: *Man the hunter* (Lee R.B., DeVore I. eds). Chicago: Aldine Publishing Company.

- Hilliard W.M. 1968. *The People in between: The Pitjantjatjara people of Ernabella*. London: Hodder and Soughton.
- Isaaks J. 1987. *Aboriginal bush food and herbal medicine*. McMahons Point N.S.W.
- Lahr M.M. 1996. *The evolution of modern human Diversity: A study in cranial variation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Layton R. 1986. *Uluru: An aboriginal history of Ayers Rock*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies.
- Liberman K. 1985. *Understanding interaction in Central Australia*. Boston: Routledge and Kegan, Paul.
- Lourandos H. 1977. *Aboriginal spatial organization: South-Western Victoria reconsidered*. *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania* 12: 202–225.
- Marshall J. 1973. *Hunting among the Kalahari Bushmen* Pp. 106–121 in: *Peoples and cultures in Africa* (Skinner E.P. ed.). New York: Doubleday -Natural History Press.
- Marshall L. 1959. *Marriage among !Kung Bushmen*. *Africa* 29: 335–365.
- Marshall L. 1960. *!Kung Bushman Bands*. *Africa* 30: 325– 355.
- Marshall L. 1961. *Sharing, talking and giving: Relief of social tensions among !Kung Bushmen*. *Africa* 31: 231–249.
- Marshall L. 1976. *The !Kung of Nyae Nyae*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
- Meggitt M.J. 1962. *Desert people*. Sydney: Angus and Robertson.
- Meggitt M.J. 1965. *Indigenous forms of government among the Australian Aborigines*. *Bijdraagen tot de taal-land-en volkerkunde*. Deel 120: 163–180.
- Mountford C.P. 1950. *Brown men and red sand*. Melbourne: Robertson and Mullens.
- Mountford C.P. 1965. *Ayers Rock: Its people, their beliefs and their art*. Sydney et al.: Angus and Robertson.
- Myers F.R. 1986. *Pintupi country, Pintupi self. Sentiment, place and politics among Western Desert Aborigines*. Washington, Londres. Canberra: Smithsonian Institution Press, AIAS.
- Owens M., Owens D. 1985. *Cry of the Kalahari*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Pianka E.R. 1969. *Habitat, specificity, speciation and species Density in Australian desert lizards*. *Ecology* 50: 498–502.
- Pilling A.R. 1968. *Southeastern Australia: Level of sociocultural organization*. Pp. 138-145 in: *Man the Hunter*. Lee R.B., DeVore I. Eds.. Chicago: Aldine.
- Porteus S.D. 1931. *The psychology of the primitive people*. New York: Longmans and Green.
- Rose F.G.G. 1965. *Wind of change in Central Australia: The Aborigines of Angas Downs*. Berlin: Akademie Verlag.
- Spencer B., Gillen F. 1899. *The native tribes of Central Australia*. London: Macmillan.
- Stanner W.E.H. 1965. *Aboriginal territorial organization: State, range, domain and regime*. *Oceania* 36: 1-36.
- Strehlow T.G.H. 1965. *Culture, social structure and environment in aboriginal Central Australia*. Pp. 121-145 in: *Aboriginal man in Australia* (Berndt R.M., Berndt C.H. eds). Sydney: Angus and Robertson.
- Strehlow T.G.H. 1971. *Songs of Central Australia*. Sydney: Angus and Robertson.
- Taplin G. 1874. *The Narrinyeri: an account of the tribes of South Australian Aborigines*. Adelaide.
- Terry M. 1928. *Untold miles*. London: Selwyn and Blount.
- Terry M. 1974. *War of the Warramullas*. Adelaide et al.: Rigby.
- Thompson D.F. 1949. *Economic structure and the ceremonial exchange in Arnhemland*. Melbourne.
- Thomson D.F. 1962. *The Bindibu expedition*. *Geographical Journal* 128: 150-161, 269-273.

- Threlkeld L.E. 1974. Australian reminiscences and papers of L.E. Threlkeld, Missionary to the Aborigines, 1824–1859. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. 2 vols.
- Tindale N. 1972. Pitjantjatjara. Pp. 98–134 in: Hunters and gatherers today (Bicchieri M.G. ed). New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Warner W.L. 1937/1958. A black civilization. New York: Harper.
- Wheeler G.C. 1910. The tribe and intertribal relations in Australia. London: Murray.
- Yengoyan A.A. 1970. Demographic factors in Pitjandjara social organization. Pp. 70–91 in: Australian aboriginal anthropology (Berndt R.M., Berndt C.H. eds). U of WA Press.

*Александр Алексеевич Казанков
доцент, кандидат культурологии,
старший научный сотрудник
института Африки РАН
e-mail: akazankov@inafr.ru*